

УДК [316.334.52 : 321.013] (477.6)

С. В. Хобта

**ГРАНИЦА, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА**

Главными функциями государственной границы являются две: барьерная/защитная и интеграционная/контактная. В современных исследованиях у границ выделяют более широкий набор функций [1, 2, 3], а приоритет отдается не барьерной, а интеграционной. «Закрытость» границ можно сказать моветон, идеал современного территориального устройства – «Европа без границ». Однако, по своему институциональному предназначению граница – средство отличия. В этом граница сходна с идентичностью. И граница, и идентичность базируются на различении Своего/Чужого. Для современного общества в качестве основных топонимических единиц выступают национальные сообщества. Границы национальных государств выполняют функцию определения национальной идентичности и в этом определении, чем однозначнее интерпретируются границы, чем ближе их интерпретация к разделительной линии, тем рельефнее национальная идентичность, тем четче дифференциация от Других. По П. Рикеру интерпретация – «это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [4]. Границу можно сравнить с дверью: для кого-то она открывает вход, а для кого-то является непреодолимым препятствием [5]. Поэтому для понимания границ важна не столько их физическая морфология, сколько процедуры их формирования и различные формы интерпретации. Это обуславливает актуальность изучения интерпретации государственных границ как обществом в целом, так и отдельными его группами, в частности населением приграничных регионов, изучения того, как интерпретация границы связана с особенностями национальной и региональной идентификации.

В последние годы палитра изучения границ в социальной науке была довольно пестрой. Анализируется природа границ (Г. Каганский, И. Кононов, В. Колосов, Н. Нартова, Э. Штёльнинг), властные и повседневные практики, связанные с их функционированием (И. Кононов, С. Хобта, Д. Заламанс), разнообразные культурные и ментальные границы (Д. Вояковский), феномен Пограничья (О. Брестская, О. Брестский), политики идентичностей, связанные с Пограничьем (О. Филиппова) и др. Граница чаще всего рассматривается как социальный конструкт, отражение социальных отношений и практик власти (А. Пааси), а анализ границ сочетается с анализом идентичностей. В частности, демонстрируется, что формальные границы, разделяющие идентичности национальные, не всегда разграничивают идентичности

этнические [6, 7]. Как правило, сочетание анализа границ и идентичностей принимает следующие формы: *«идентичности как границы – границы между идентичностями (разграничение идентичностей в географическом пространстве) – связи формальных границ и идентичностей»* [8].

В силу важности, но недостаточности исследованности взаимосвязи представлений о границе и национальной и региональной идентичностей, мы ставим перед собой задачу, во-первых, обозначить точки взаимосвязи границ и идентичности, а во-вторых, показать, в чем особенности интерпретации восточной украинско-российской границы и каким образом интерпретация границы связана с особенностями групповой идентификации. Участок восточной украинско-российской границы выбран в виду того, что Россия – крупнейший сосед Украины и государство, к которому население Украины испытывает сильное тяготение. Особенно это относится к Востоку и Юго-Востоку Украины. Несмотря на евроинтеграционные устремления государства, Восток и Юго-Восток Украины в большей мере ориентированы на интеграцию с Россией, а не Евросоюзом [9, 10, 11].

Первичная интеллектуальная интуиция схватывает единство границ и идентичностей. Проблема идентичности и границ формируется в обществе Модерна. Границы – в связи с формированием национальных государств [12]. Идентичности – в результате проблематизации традиционных «эссенциалистски» понимаемых идентичностей/статусов [13, с. 37]. Национальные идентичности превращаются в одни из основных категорий описания индивидов. Но, если на этапе раннего Модерна они рассматривались как некие атрибутивные характеристики индивидов, объективные «сущности», заданные, в том числе государственными границами, то в период позднего Модерна они превращаются в конструкты: их можно не разделять, менять и отбрасывать [13, с. 37].

В социологии различают «идентичность» и «идентификацию» [14]. Идентификация – определенного рода отношение индивида и группы, «процесс, в ходе которого индивид признает те или иные конститутивные (т. е. важные для самого существования группы) признаки и свойства своими собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой» [15, с. 131]. Идентичность является результатом серии таких процессов и «выступает не столько простой суммой идентификаций, а представляет собой скорее новую комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов» [12, с. 131]. Идентичность – «понятие, обозначающее осознание индивидом себя, того, кем он является» [16, с. 155]. Простота определений прячет сложность феномена. Дж. Г. Мидом показано, что идентичность не формируется вследствие сознательного отождествления индивида с какой-либо общностью. Идентичность в первую очередь является внутренней характеристикой

человеческой самости, без которой не может сложиться «I» [17, с. 161]. С одной стороны, идентичность предполагает сформированную самоидентичность – тождество с самим собой, обособленность от других [18, с. 464], но с другой – требует фигуру Другого. Во время усвоения социальных ролей Других и взаимодействия с ними на основе этих ролей и происходит формирование идентичности [19]. Носитель социальной роли – всегда представитель той или иной группы. Поэтому, будучи стабильным образованием, проявляющееся в субъективном ощущении целостности индивида, идентичность существует в неразрывности с чувством принадлежности к определенной общности [20, с. 31]. Группы делятся на «ингруппы» и «аутгруппы» [21, с. 324, 22, с. 304]. Сформированная устойчивая сильная коллективная идентичность предполагает четкое осознание групповых границ и относительную внутригрупповую гомогенность. «Жесткие групповые границы подразумевают высокую степень солидарности (groupness) и идентичность, одинаковость среди членов группы, острое отличие нечленов группы, ясную границу между «внутренним» и внешним» [23, с. 10]. Полностью гомогенной группа быть не может. Любая группа предполагает существование не только внешней границы, но и хотя бы одной внутренней [24, с. 7]. Э. Коен пишет: «По определению граница определяет начало и конец общности. Но почему такое определение является необходимым? Простым ответом является то, что граница содержит идентичность общностей и, как идентичность личностей, вызвана к существованию требованиями социальной интеракции. Границы определяются, поскольку общности взаимодействуют тем или иным образом с целостностями, от которых они являются или хотят быть отделенными» [цит. по 25, с. 111].

Таким образом, и для индивида, и для группы полагание границ – неотъемлемая составляющая идентификации, а идентификация – условие представления о собственной целостности. Через идентификацию индивид, с одной стороны, сохраняет внутреннее пространство собственной индивидуальности, а с другой, включается в пространство социальное. Социальное пространство структурировано различного рода границами, большинство из них имеют ментальный характер и определяются способом их конструирования и интерпретации. В результате, говорить об идентичности без внимания к границам, и наоборот, – не представляется возможным.

Рассмотрим, особенности интерпретации восточной украинско-российской границы и то, каким образом интерпретация границы связана с особенностями групповой идентификации. Это оказывает влияние на отношение к пограничной стране, на формирование политического видения взаимодействия с ней. Предметом нашего рассмотрения выступает интерпретация украинской границы с Российской Федерацией жителями Донбасса. Эмпирической основой для нас будут выступать исследования кафедры философии и социологии ЛНУ имени Тараса

Шевченко и Центра по изучению социальных процессов и проблем гуманизма, проведенные в 2009 г. (N=1147) и 2013 г. (N=1450)¹ в Луганской области. Выборка квотная (квотные признаки: пол, возраст, тип населенного пункта). Особенностью формирования выборочной совокупности было то, что среди населенных пунктов области максимально отбирались населенные пункты приграничных районов области.

Граница между Украиной и Россией воспринимается как граница между своими, поэтому большинство считает, что эта граница вообще не нужна (47,6%) или же она должна быть открытой для движения людей, капиталов и товаров, как в Шенгенской зоне Европейского Союза (41,3%) (табл. 1, 2). Это наиболее распространенные точки зрения, которые сохраняют стабильность уже более пяти лет.

Таблица 1

Как бы Вы охарактеризовали границу между Украиной и Россией?

№	Вариант ответа	Луганская область 2009 г. N=1147	Луганская область 2013 г. N=1450
1.	Граница, отделяющая своих от чужих	8,5	11,9
2.	Граница между своими	71,8	72,6
3.	Другое	1,7	3,0
4.	Затрудняюсь с ответом	17,3	11,7
5.	Нет ответа	0,6	0,8
	Всего	100	100

Таблица 2

Какой должна быть граница между Украиной и Россией?

№	Вариант ответа	Луганская область 2009 г. N=1147	Луганская область 2013 г. N=1450
1.	Закрытой на замок, с контрольно-следовой полосой и колючей проволокой	2,8	2,3
2.	Открытой для движения людей, капиталов и товаров, как в Шенгенской зоне Европейского Союза	38,7	41,3
3.	Эта граница вообще не нужна	45,1	47,6
4.	Другое	0,8	0,7
5.	Затрудняюсь с ответом	11,2	7,9
6.	Нет ответа	1,5	0,1
	Всего	100	100

¹ В 2013 г. исследование проводилось под патронатом Луганской областной администрации.

По ту сторону границы – ничем не отличающиеся люди, к которым чувствуется дружественное отношение. Для Донбасса по шкале социальной дистанции жители соседней страны находятся ближе, чем жители Западного региона собственного государства (табл. 3). В российских городах респонденты чувствуют себя комфортнее в культурном плане, чем в отдельных городах Запада Украины. Например, если в Ростове-на-Дону в «своей культурной среде» себя чувствуют 40,4% посещавших этот город (среди ответивших), то во Львове – 17,7%. Обратим внимание, что разница в ощущении культурной близости не определяется географической близостью (в Харькове в своей культурной среде себя чувствуют – 60,0% ответивших, в Донецке – 71,2%, в Киеве – 46,4%, в Воронеже – 31,9%, Санкт-Петербурге – 37,8%, в Москве – 29,8%). Дружественность в отношении русских – особенность региона, которая имеет глубокие исторические основания, связанные с формированием этнотерриториальной общности в регионе [26, с. 108–134], результатом которого стало возникновение доминирующей этнической коалиции украинцев и русских как основы этнической структуры Донбасса [26].

Следует понимать, что дружественное отношение к соседу не является правилом. Существуют примеры, когда близкие в культурном плане народы, объективно вынуждаемые к территориальной кооперации, сознательно ее игнорируют по причине неприязни. Например, эстонское и латышское население город Валга/Валка, расположенного на границе Эстонии и Латвии, традиционно поддерживало изоляционизм и только вмешательство европейцев (В 1996 году был начат проект ESTLA) вынудило города делать шаги к сотрудничеству [27].

Если посмотреть на отношение к соседям Украины на Западе – к полякам, то данные исследований показывают, что в Галичине существенной разницы между «ближними» и «дальними» соседями по границе не фиксируется. На Донбассе же существует более позитивное отношение к своим соседям, чем к другим этническим группам (рис. 1, 2).

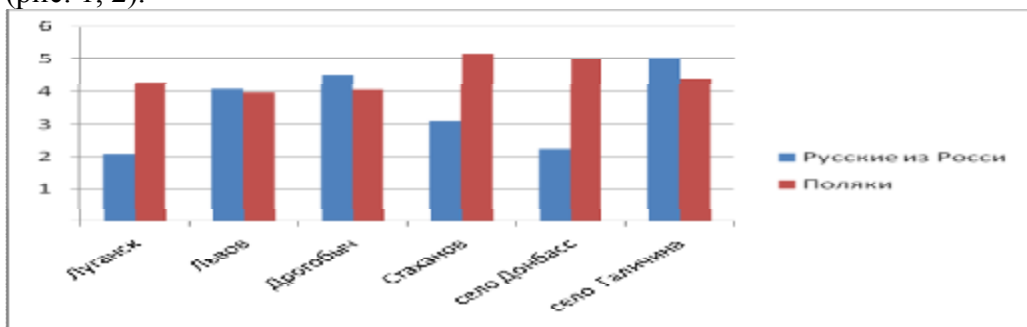

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В качестве кого бы Вы приняли представителей следующих национальностей?», средний балл (шкала 1 – принял бы как членов семьи, 7 – вообще не допускал бы в область»)

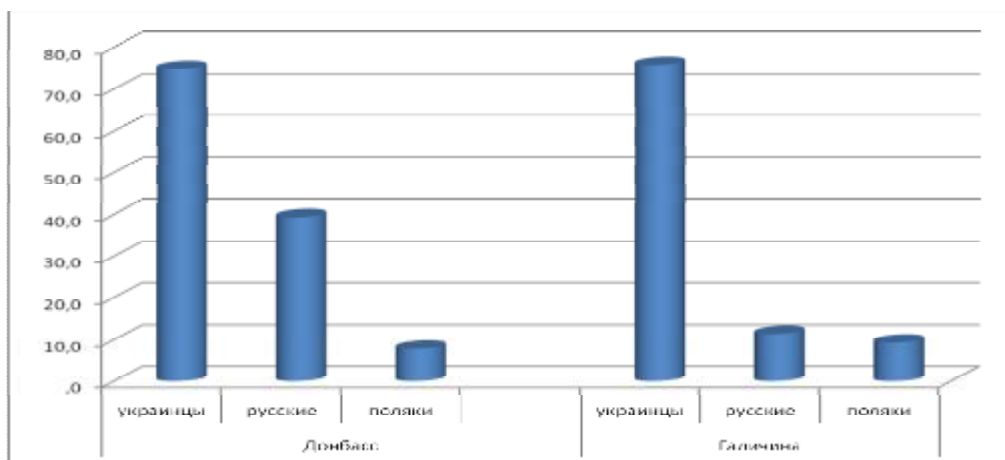

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «В качестве кого бы Вы приняли представителей следующих национальностей?» Позиция «членов семьи».

Таблица 3
Межэтническая дистанция в Донбассе и Галичине по шкале Э. Богардуса (шкала: 1–7)

№	Варианты ответа	Донбасс N=763		Галичина N=773	
		Среднее	Стд. откл.	Среднее	Стд. откл.
1.	Українці с Востока України	2,0	1,4772	2,5	1,6783
2.	Українці с Запада України	3,0	1,9250	2,1	1,4821
3.	Русские с Востока України	2,3	1,5810	4,0	2,0175
4.	Русские с Запада України	2,8	1,7299	3,9	1,9749
5.	Русские из России	2,5	1,7170	4,4	2,0692
6.	Белорусы	3,3	1,8580	4,2	1,8726
7.	Евреи	4,8	1,9272	5,1	1,7559
8.	Поляки	4,7	1,8997	4,1	1,8476

Люди уверены в дружественных отношениях между русским и украинским народами, даже если на уровне правящих сил это не находит поддержки. В период политической напряженности между РФ и Украиной (2009 г.), мы фиксировали следующее: 60,6% характеризовали отношения РФ и Украины как «плохие на уровне правящих сил, но хорошие на уровне народов» и 8,1% «хорошие и на уровне правящих сил и на уровне народа»; на 2013 г. – 48,3% и 24,6% соответственно. За

последние годы уверенность в дружественных отношениях и со стороны правительства выросла (на 16,5%). О негативных отношениях на уровне народа сказало 15%, тогда как о позитивных – 73%.

Оценка границы связана с оценкой отношений между Украиной и РФ (рис. 3). Те, кто уверен в хороших отношениях между странами, считает границу ненужной, а те, кто уверен в плохих отношениях – считает, что она должна быть герметичной. Но даже те, кто оценивают отношения между странами как напряженные, в большинстве предпочитают, что бы граница была «открытой для движения людей, капиталов и товаров».

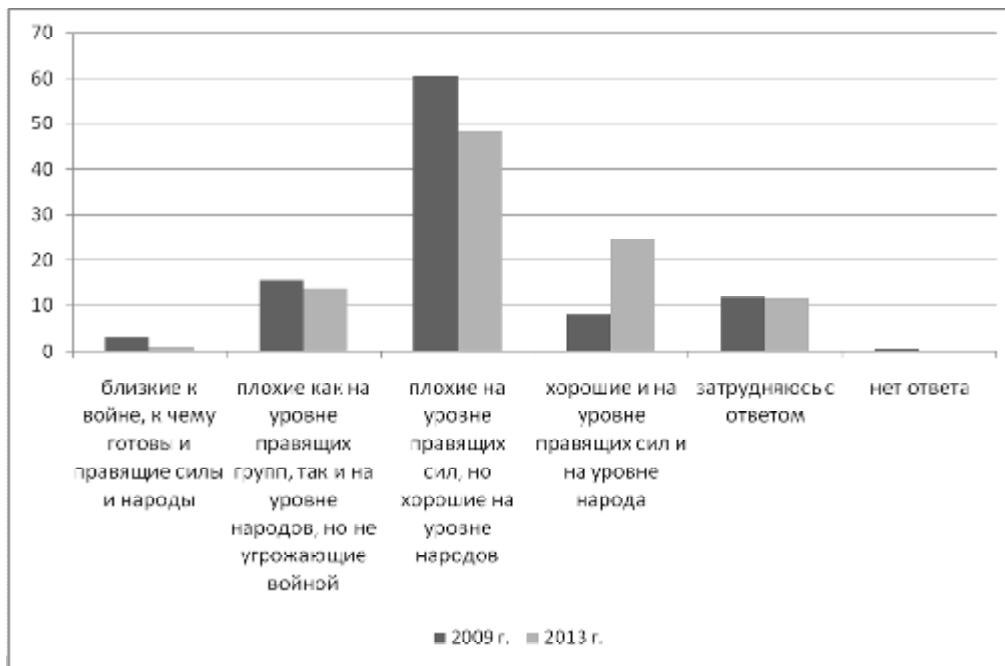

Рис. 3. Как бы Вы охарактеризовали нынешние отношения Украины и России?

Национальная (этническая) идентификация значимо (по критерию χ^2) на отношение к границе не влияет. Негативное отношение сильнее выражено в группе с двойной национальной идентификацией (считают себя как украинцами, так и русскими) и среди русских. Надо отметить, что на Донбассе национальная идентификация не демонстрирует высокой значимости (табл. 4). Более того, происходит ее снижение при одновременном росте идентификации на основе родного языка [28]. Относительно языковой политики фиксируются значимые отличия. Сторонники ликвидации границы, также как и сторонники открытой границы, однозначно выступают за двуязычие в Украине (86%). Сторонники закрытой границы почти на 30% чаще выступают за сохранение украинского языка как единственного государственного.

Среди тех, кто считает, что граница с РФ «отделяет своих от чужих», значимо больше сторонников НАТО и ЕС, а среди тех, кто считает ее «границей между своими» – сторонников Таможенного союза. Приверженцы закрытой границы – ориентированы на одновременный союз с НАТО и ЕС, сторонники ее ликвидации – на Таможенный союз, открытости – на ЕС. Альтернатива ЕС/ТС – уже достаточно долго и остро стоит в Украине. Если рассматривать границу как способ закрепления общественного разделения труда, то эта альтернатива может рассматриваться как отражение конфликта за Украину как рынок. С другой стороны, внешнеполитические ориентации – это не только политический выбор, но и выбор цивилизационный [29].

Следует учитывать, что дружественное отношение к России не означает, что жители украинско-российского приграничья стремятся к полному упразднению границ. Если посмотреть на территориальные идентичности наших респондентов, то самая сильная среди них – «гражданин Украины». Причем, чем ближе к границе, тем она сильнее (табл. 4). Приграничью нужна гибкая граница, не препятствующая коммуникации, но защищающая социальную дискретность.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Без каких из перечисленных характеристик
Ваше представление о себе будет невозможным?», %**

№	Варианты ответа	Луганская область n=1147, 2009 г.	Приграничье n=249, 2009 г.	Луганская область n=1450, 2013 г.	Приграничье n=654, 2013 г.
1.	Самостоятельная, суверенная неповторимая личность	36	33	35	36
2.	Член семьи	68	68	68	69
3.	Член дружеского круга	33	24	21	18
4.	Член определенного трудового (учебного) коллектива	25	21	18	17
5.	Человек, связанный деловыми связями с определенным кругом людей	12	6	8	8
6.	Человек определенной профессии	30	28	19	18
7.	Человек с определенным образованием	22	19	13	13
8.	Человек с определенными политическими убеждениями	12	9	8	7
9.	Житель Луганска	16	22	16	10

10.	Житель Донбасса	43	46	22	23
11.	Гражданин Украины	45	50	40	47
12.	Советский человек	15	14	14	15
13.	Житель СНГ	10	12	4	3
14.	Человек определенной религии	5	8	5	5
15.	Европеец	6	9	4	3
16.	Житель планеты Земля	16	18	22	21
17.	Человек с определенными художественными вкусами (музыкальными, литературными и т. д.)	10	12	5	6
18.	Мужчина/женщина/человек определенного пола	29/38	30/39	47	48
19.	Человек определенного возраста	16	17	12	16
20.	Человек определенной нации/этнической принадлежности	7	6	-	-
21.	Человек с определенным родным языком	14	12	-	-
22.	Житель пограничья/приграничья	7	15	4	8
23.	Что ещё?	1	2	-	-
	Всего	515	518	386	391

Примечание: сумма по столбцу больше 100%, так как респонденты могли выбирать несколько позиций

Если основываться на оценке функций границы жителями области, то граница как раз препятствует различного рода коммуникации между людьми и слабо выполняет свое институциональное предназначение барьера для нелегальных практик [30, с. 83; 31, с. 71]. Важным является то, что граница связана с трудовой занятостью. Анализ трудовой миграции (на 2005–2008 гг.) показывает, что подавляющее большинство населения восточных областей ездит работать в Российскую Федерацию (83,8%) [32, с. 127] и, в отличие от других направлений миграции, эта миграция характеризуется краткосрочным пребыванием в РФ с постоянным возвращением в Украину: «Наибольшее количество выездов трудовые мигранты осуществляли в Российскую Федерацию (76,5% от общего количества тех, кто осуществлял более 10 выездов)» [32, с. 128].

Главная особенность групповой идентификации в восточном украинско-российском пограничье состоит в том, что жители по ту сторону границы идентифицируются как «свои». Интерпретация государственной границы определяется особенностями групповой идентификации: восточная граница Украины не воспринимается как граница с «чужими». Соответственно, на государственную границу не проецируются защитные, изоляционные функции, что смягчает резкость

групповых границ и делает представление о границе размытыми и нечеткими. Россия рассматривается как культурно близкая и дружественная страна, отношения с народом которой не могут испортить даже противоречия на уровне властей.

Для жителей региона важна открытость границы, так как граница связана с коммуникативными и трудовыми практиками населения. Социально-культурные и экономические связи с Россией объясняют стабильность сохранения приоритетности России во внешнеполитических ориентациях жителей Востока Украины. Идентификация с русскими как близким народом может объяснить выбор вектора внешнеполитического тяготения, в поле которого согласен находится регион.

Список использованных источников

- 1. Поздняк В.** Европа регионов, Европейская политика соседства и Беларусь: в поисках «дорожной карты» / Поздняк Вячеслав // Wider Europe. – Режим доступа: <http://review.w-europe.org/9/1.html>.
- 2. Кононов И. Ф.** Проблема границ и ее значение для социологии / И. Ф. Кононов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2004. – С. 45-49.
- 3. Колосов В.** Теоретическая лимология / Владимир Колосов // Границы в меняющемся мире: глобальные тенденции и региональное измерение. – Материалы для изучения. Зимняя школа CIRP – Великий Новгород: Центр интеграционных исследований и проектов. – 2006. – С. 2–16.
- 4. Рикёр П.** Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. С. Вдовина. – М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2002. – 624 с.
- 5. Paasi A.** The Changing Discourses on Political Boundaries. Mapping the Backgrounds, Contexts and Contents / Anssi Paasi // *Ordering Space* / Edited by Henk Van Houtum, Olivier Kramsch and Wolfgang Zierhofer. – Ashgate Publishing Limited, 2005 – Режим доступа: <http://henkvanhoutum.nl/wp-content/uploads/2013/05/borderingspace.pdf>.
- 6. Гриценко А. А.** Этнографическое и культурно-географическое изучение российской части Гетьманщины и Слободской Украины / А. А. Гриценко, М. П. Крылов // Проблемы общественной географии. Приграничные территории: методологические подходы и опыт исследований // Сборник научн. трудов / Под общей ред. Г. П. Подгрушного. – К. : Ин-т географии НАН Украины. – Вып.2. – 2010. – С. 90–97.
- 7. Living (with) Borders: identity discourses on East-West Borders in Europe** / ed. Ulrike H. Meinhof – Burlington : Ashgate, 2002, – 149 p.
- 8. Крылов М. П.** Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий / Крылов М. П. // Мир психологии. – 2012. – № 1. – С. 137–151.
- 9. Кириченко И.** Маленький украинец: доверие, опасения, приоритеты / Ирина Кириченко // Зеркало недели. Украина. – 2012. – № 12. – Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/malenkiy_ukrainets__doverie,_opaseniya,_priority.html.
- 10. Хмелько В.** Отношение

граждан Украины к ее вступлению в Евросоюз и НАТО и их оценки своей осведомленности об этих организациях / Валерий Хмелько // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 1. – С. 71–87.

11. Соціологічні опитування. Питання «Який напрям зовнішньої політики має бути пріоритетним для України?» (динаміка, 2002–2012) // http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=305.

12. Сміт Е. Д. Культурні основи націй. Ієрархія, заповіт і республіка. Наукове видання / Ентоні Д. Сміт. – К. : Темпора, 2009. – 312 с.

13. Мартьянов В. С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция / В. С. Мартьянов // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И. С. Семенов (отв. редактор), Л. А. Фадеева (отв. редактор), В. В. Лапкин, П. В. Панов. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 37–42.

14. Социальные идентификации и идентичности / С. А. Макеев, С. Н. Оксамытная, Е. В. Швачко. – К. : Ин-т социологии НАНУ, 1996. – 185 с.

15. Филиппова О. А. Политики идентичности: антропологические методы и социокультурные интерпретации / Ольга Аркадьевна Филиппова, Юлия Георгиевна Сорока // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – С. 129–135.

16. Аберкромби Н. Социологический словарь: Пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С. А. Ерофеева. – М. : ЗАО Изд-во Экономика, 2004. – С. 155–156.

17. Мід Дж. Г. Дух, замість і суспільство з точки зору соціального біхевіориста [Текст] : пер. з англ. та передмова Т. Корпала. – К. : Український Центр духовної культури, 2000. – 416 с.

18. Юнг К. Г. О становлении личности // Бог и бессознательное / Карл Густав Юнг. – М. : Олимп, ООО Издательство АСТ-ЛТД, 1998. – С. 454 – 477.

19. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. / Ред. Головин Н. А., Козловский Б. Б./ Хайнц Абельс. – СПб. : Алетейя, 2000. – 265 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/787667/>.

20. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. – М. : Издательская группа Прогресс, 1996. – 342 с.

21. Triandis H.C. Individualism and Collectivism: Cross-Cultural Perspectives on Self-Ingroup Relationships / Triandis H. C., Bontempo R., Villareal M. J. // Journal of Personality and Psychology. – 1988. – Vol. 54. – No. 2. – P. 323–338.

22. Ручка А. О. «Свої» та «чужі» в ідентифікаційній свідомості громадян України / А. О. Ручка // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні : Наукові доповіді та повідомлення IV Всеукраїнської соціологічної конференції / Соціологічна асоціація України, Ін-т соціології НАНУ.– К., 2004. – С. 304 – 309.

23. Brubaker R. Beyond “Identity” / Brubaker R., Cooper F // Theory and Society. –2000. – Vol. 29. – Режим доступа: http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/Publications/18_Beyond_Ide

ntity.pdf. **24. Берн Э.** Лидер и группа. О структуре и динамике организаций и групп / Эрик Берн ; [пер. с англ. А. Грузберга]. – М. : Эксмо, 2008. – 288 с. **25. Вояковський Д.** Ментальні кордони в Європі без кордонів / Даріуш Вояковський / Пер. з польск. – К. : Ніка-Центр, 2012. – 317 с. **26. Кононов І. Ф.** Етнос. Цінності. Комунікація (Донбас в етнокультурних координатах України). – Луганськ : Альма-матер, 2000. – 494 с. **27. Заламанс Д.** Символические и территориальные границы в странах Балтийского региона / Деннис Заламанс // Кочующие границы. – Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/patsch_r.htm. **28. Хобта С. В.** Восток Украины: трансформация идентичностей в условиях пограничья / Хобта С. В. // Перекрестки. – 2010. – № 3–4 – С. 207–222. **29. Пиляев И.** От Литовской к лимитрофной Руси? / Игорь Пиляев. – Режим доступа: <http://telegrafua.com/country/12601/>. **30. Кононов И. Ф.** Украинско-российская граница: практики власти и повседневная жизнь населения // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2010. – № 889. – С. 79 – 86. **31. Хобта С. В.** Бар'єрна функція державного кордону в оцінюванні мешканців Луганської області // Девіантна поведінка: соціологічний, психологічний та юридичний аспекти: матеріали наук.-практ. конф (Харків, 6 квіт. 2013 р.) / МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ, Навч.-наук. ін.-т права та масових комунікацій ; Соціологічна асоціація України. – Х. : ХНУВС, 2013. – С. 70 – 74. **32. Населення України.** Трудова еміграція в Україні. – К. : Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України, 2010. – 233 с. – Режим доступа: http://www.idss.org.ua/monografii/roznyak_2010.pdf.

Хобта С. В. Кордон, національна та регіональна ідентичності у сприйнятті мешканців Донбасу

У статті на прикладі державного українсько-російського кордону розглядається як інтерпретація кордону, пов'язана з особливостями національної та регіональної ідентифікації мешканців Донбасу. Показано, що теорія ідентичності і теорія кордонів мають подібні теоретичні підстави та проблеми і глибоко взаємопов'язані. Робиться висновок, що говорити про ідентичність без уваги до кордонів, і навпаки, – неможливо. На прикладі східної ділянки державного українсько-російського кордону показано, як особливості групової ідентифікації визначають інтерпретацію кордону. Східний кордон України не сприймається як кордон з «чужими». Відповідно, на державний кордон не проєктуються захисні, ізоляційні функції, що пом'якшує різкість групових кордонів і робить сприйняття кордону розмитим і нечітким. Для мешканців регіону важлива відкритість кордону, бо з ним пов'язані комунікативні і трудові практиками населення. Соціально-культурні та економічні зв'язки з Росією пояснюють стабільність збереження пріоритетності Росії у зовнішньополітичних орієнтаціях жителів Сходу України.

Ключові слова: кордон, Донбас, ідентичність, регіон, прикордоння, регіональна ідентичність, національна ідентичність.

Хобта С. В. Граница, национальная и региональная идентичности в восприятии жителей Донбасса

В статье на примере государственной украинско-российской границы рассматривается, как интерпретация границы связана с особенностями национальной и региональной идентификации жителей Донбасса. Показано, что теория идентичности и теория границ имеют сходные теоретические посылы проблемы и глубоко взаимосвязаны. Делается вывод, что говорить об идентичности без внимания к границам, и наоборот, – невозможно. На примере восточного участка государственной украинско-российской границы показано, как особенности групповой идентификации определяют интерпретацию границы. Восточная граница Украины не воспринимается как граница с «чужими». Соответственно, на государственную границу не проецируются защитные, изоляционные функции, что смягчает резкость групповых границ и делает представление о границе размытыми и нечеткими. Для жителей региона важна открытость границы, так как граница связана с коммуникативными и трудовыми практиками населения. Социально-культурные и экономические связи с Россией объясняют стабильность сохранения приоритетности России во внешнеполитических ориентациях жителей Востока Украины.

Ключевые слова: граница, Донбасс, идентичность, регион, пограничье, региональная идентичность, национальная идентичность.

Khobta S. V. Border, national and regional identity in the perception of residents of Donbass

By the example of the state Ukrainian-Russian border, the article examines how interpretation of the border is connected with peculiarities of the national and regional identification of the Donbass residents. It is shown that Theory of identities and Theory of borders have similar theoretical premises, problems and deeply connected. Theory of identities and Theory of borders formed in the Modern society and based on the distinction between «Own»/«Foreigners». Author came to conclusion that speaking about identities without paying attention to borders and vice versa – impossible. By the example of the eastern part of the state Ukrainian-Russian border it is shown how peculiarities of group identification determine interpretation of the border. Eastern border of Ukraine is not considered as a border from “foreigners”. The majority consider that border is not needed or it should be open for movement of people, capital and goods like Schengen area of European Union. It’s the most common views of the Donbass residents that of are stable for more than five years.

Thereafter protective and isolation functions are not projected upon the state border, which softens sharpness of the group borders and presents border

as something blurry. Openness of the border is very important for residents of the region, as the border is connected with communicative and labor practices of the residents. Socio-cultural and economic ties with Russia explain stability of priority status of cooperation with Russia in foreign orientations of the residents of Eastern Ukraine.

Key words: border, Donbass, identity, region, border zone, regional identity, national identity.

Стаття надійшла до редакції 01. 10. 2013 р.

Прийнято до друку 01. 11. 2013 р.

протоколом № 3

Рецензент – д. соц. н., професор Кононов І. Ф.

УДК 341.1

Б. В. Бабін

САМОУСВІДОМЛЕННЯ НАРОДІВ ЯК КРИТЕРІЙ ЇХ ПРАВОСУБ'ЄКТНОСТІ В УМОВАХ ДРУГОГО МОДЕРНУ

Питання колективної свідомості досі досліджувалися в юридичних науках вкрай обмежено; водночас проблематика колективних суб'єктів, як носіїв прав та обов'язків, ставить питання щодо реалізації таких прав та обов'язків. Така реалізація, за умов колективних дій або бездіяльності, зумовлює потребу дослідження її суб'єктивної складової, а саме усвідомлення носієм прав та обов'язків своєї суб'єктності, відображення у такої свідомості колективних заходів з реалізації колективних прав та їх захисту, що матимуть правове значення. Крім того, усвідомлення суб'єктності часто стає у праві необхідною ознакою такої суб'єктності.

Зазначене свідчить про те, що проблема колективної свідомості, зокрема, у контексті самоусвідомлення, стає актуальною, серед іншого, під час визначення правового статусу народів. Дослідження ж самоусвідомлення народів, як фактора їх правової суб'єктності, як визначена мета статті, потребує аналізу відповідної наукової доктрини у сферах психології, соціології та етнології, використання філософських доробок, які враховували б розвиток суспільства в умовах Другого модерну, визначення специфіки поточної національної та міжнародної нормативної бази, у якій відображено аспекти правосуб'єктності народів та її суб'єктивної складової. Ми усвідомлюємо, що визначена мета не може бути досягнута в межах однієї статті. У даному разі ми претендуємо на огляд наявних точок зору на проблему в актуальній науковій літературі та на аналіз норм, закріплених в міжнародних і національних правових актах. Ми прагнемо до порівняльного аналізу